

Александр ЗАПЕСОЦКИЙ:

Страна с исчезающей совестью

Десять лет назад Александр Сергеевич Запесоцкий опубликовал замеченную в стране статью «Москва сдалась «новым русским», где спрогнозировал черты нынешней культурной трансформации. Об этом же — и наш сегодняшний разговор.

— Как культуролог, считаете ли Вы, что наша прежняя система моральных ценностей уже полностью разрушилась?

— Мой прогноз был значительно более оптимистичен. Я тогда лишь обратил внимание на доминирование в Москве субкультуры новых русских. Мне казалось, что у страны была возможность выбора между нею и опорившейся на лучшие отечественные традиции современной культурой Петербурга. Но я был не прав. Выбора не оказалось. Субкультура новых русских усилиями власти получила статус основной, образцовой культуры страны. В качестве таковой она усиленно внедряется московскими телеканалами и глянцевыми журналами в сознание подрастающих поколений россиян — вопреки протестам обрассованной части общества.

Сначала я думал, что у власти просто руки не доходят до культуры, все силы уходят на политику и экономику. Но потом пришел к выводу, что ситуация значительно сложнее. Россия становится аморальным государством, страной с исчезающей совестью. И это в определенной степени закономерно.

Мы не до конца понимаем, что именно произошло, когда перестал существовать Советский Союз. Разумеется, многое очевидно: разрушили до основания государственный аппарат, правовую систему, надругались над принципом территориальной целостности, растащили государственную собственность и т. д. Известно, что получили в результате по всем этим направлениям перемены. А вот что с моралью произошло?

В Советском Союзе господствовала коммунистическая мораль, которая во многом базировалась на христианской традиции. Заповеди строителя коммунизма — это практически переписанные на иной манер христианские заповеди. Произошло замещение отдельных символов. Бога заменили вожди, вместо креста — красная звезда, серп и молот, роль церкви стали выполнять райкомы КПСС, но нравственная основа осталась той же самой: не

убий, не укради, не возжелай жены ближнего своего

В 1991 году государство отказалось не только от старой экономической системы, но и от прежней системы нравственных ценностей. Коммунистическая мораль была предана осуждению, а другую найти не посчитали нужным. Появилась странная идея, что якобы демократизация — это когда государство оставляет проблемы морали на усмотрение общества. Якобы, государственная мораль — это изобретение тоталитарного общества. А демократия — это некая «свободная мораль» — это изобретение тоталитарного общества. А демократия — это некая «свободная мораль» — это изобретение тоталитарного общества. А демократия — это некая «свободная мораль» — это изобретение тоталитарного общества.

В результате российская ситуация оказалась уникальной. Нигде больше, ни в одной стране мира нет игнорирования морали на общенациональном уровне. В основе, на мой взгляд, две причины. Во-первых, почти во всех странах Восточной Европы, кроме СССР, сохранялись досоциалистические общественные механизмы поддержания морали. Во-вторых, приватизация в этих странах проходила с внешним соблюдением приличий. Пришли иностранцы, скупили по дешевке все более менее ценное. По сути Западная Европа превратила Восточную в свою колонию, но выглядело это внешне очень цивилизованно, глобко морально. Богатые инвестировали в экономику бедных.

В России все обстояло иначе. Разворовать государственную собственность предстояло самим, и сделать это в рамках классической христианской нравственности было невозможно. Нужно было для себя изобрести какую-то «квазинравственность», которая, хотя бы временно, на период «первоначального накопления капитала», могла бы «работать». И вот радикальные потрясения экономики породили резкие культурные сдвиги, подобные разлому земной коры в географии.

Известно, что культура любой страны никогда не пред-

ставляет из себя чего-то целостного. Всегда есть господствующая культура, вертикаль культуры, и есть некие субкультуры, которые встроены в общество, но далеко не всегда в него интегрированы органично. Вспомним, например, недавние арабские погромы в пригородах Франции. С научной точки зрения — это одно из явлений современной французской культуры. И национальный парад на Елисейских Полях — тоже. Но у этих двух явлений французской культуры — совершенно разные места в существующей иерархии. Одно из них государство подавляет, другое — поддерживает.

В современных западных постиндустриальных обществах существует некая прочная вертикаль культуры, базирующаяся на христианских идеалах. К примеру, там проповедуются ценности труда и семейного очага. Вы можете быть очень богатым, но Вы обязаны помогать бедным, и, более того, хорошим тоном считается даже как бы стыдиться своего богатства, оно не должно выставляться напоказ. У Вас есть имя, которое является пропуском в высший свет. И уж совершенно неприлично совать свое богатство под нос бедным людям, хвастаясь им и так далее.

Такая система ценностей пронизывает все общество. Есть общепринятые понятия достоинства и низости, как говорил Маяковский: что такое хорошо, и что такое плохо. Никто не мешает богатеть, но состоятельные люди стараются ориентироваться на определенный этический кодекс. Что происходит за закрытыми дверями, мы не знаем, но напоказ все придерживаются общепринятых норм морали. И чем выше стоит человек на социальной лестнице, тем больше общество от него требует ответственности этим нормам. К бедным может быть проявлена снисходительность: они ведь обделены либо происхождением, либо способностями. А вот богатые обязаны быть культурными. Культура же вся построена на ограничениях, на запретах.

В России подобного опыта не было семьдесят лет. Те, кто стремился разбогатеть любым путем, изобрели свою квазинравственность, а потом они образовали и свою собственную субкультуру. В их среде

восторжествовали этические идеалы в духе дохристианской эпохи, как, например, в Древнем Риме: сильный всегда прав; падающего толкни; нужно схватить кусок собственности первым; нужно обязательно возжелать не только жену ближнего своего, но и еще пятнадцать девушек в куршевельскую поездку прихватить, часть из которых даже школу еще не успела закончить. Возник культ чувственных наслаждений.

Пресловутая «Рублевка», которая вызревала не один год, является явной субкультурой. С научной точки зрения она мало отличается, например, от уголовной субкультуры. У нее просто другие материальные возможности. Как говорится на юридическом языке — «в особо крупных размерах». Суть субкультуры от этого не меняется. Она образуется по совершенно определенным принципам: выработывается своя система ценностей, субкультурная этика, появляются свои лидеры, свои образцы поведения и свои герои. Складывается образ как бы стыдиться своего богатства, оно не должно выставляться напоказ. У Вас есть имя, которое является пропуском в высший свет. И уж совершенно неприлично совать свое богатство под нос бедным людям, хвастаясь им и так далее.

Но дальше начинается происходит интересная вещь. Этим людям хочется самоутвердиться. Поскольку у них есть огромные финансовые ресурсы, то они начинают навязывать обществу себя в качестве идеала. Им хочется самоутверждения, всеобщего признания. Им хочется господства. И они пытаются из периферийной субкультуры стать господствующей культурой. Характерно, что российский нувориш, арестованный в начале этого года во Франции, заявил на страницах ангажированной им прессы: «Я — культурный человек». При этом в его понятие культуры входит полная вседозволенность, покупаемая за деньги более чем сомнительного происхождения.

При этом общая культурная ситуация в России не окончательно сдалась «рублевскому» напору. У нас есть безусловный в плане поведения президент, который придерживается классических ценностей. Есть настоящая интеллигенция: учителя, врачи, инженеры, ученые. Вряд ли изменят своим убеждениям ветераны. Редко, но встречаются приличные люди даже среди чиновников. В общем, не все еще потеряно.

— Вы сами не только ученый, но и успешный бизнесмен с красивой молодой женой, так что Вас нельзя заподозрить в зависти к «новым русским». Но после Вашей статьи «Ксюша Собчак как конец света» некоторые посчитали, что Вы преувеличили ее значение, сделали из обыкновенной тусовщицы олицетворение поколения.

— Я не бизнесмен, а управляющий университетом. К богачам я себя не отношу, но зарабатывать вполне достаточно, чтобы действительно не завидовать другим людям. Замечу все же, что я вообще не считаю деньги главным в жизни.

Что же касается упомянутой Вами особы, она и в самом деле, на мой взгляд, олицетворяет в концентрированном виде ту «новорусскую» субкультуру, которая возвращает Россию к дохристианской эпохе. Самое скверное, что она преподносится государственными средствами массовой информации как идеал современной девушки. Даже частное телевидение не имеет права быть аморальным, а уж государственное Усугубляется эта проблема тем, что известность госпожи Собчак основана на спекуляции именем ее отца, одного из символов петербургской интеллигенции.

Конечно, особая скандальность привлекательна для шоу-бизнеса, но рамки ему определяет государство. И когда я назвал свою статью «Ксюша Собчак как конец света», то имел в виду, что навязывание молодежи такого образа СМИ — это конец государственной политики просвещения. Раньше государственным идеалом была Зоя Космодемьянская, теперь — Ксюша Собчак, раньше — Стаханов, теперь — Прохоров. Раньше проститутки высылали за 101 километр, теперь их портреты печатают на обложках журналов в глянце миллионными тиражами.

— Мы, если строим коммунизм, то должны быть чище всех, а уж, если ударяемся в разврат, то, как в омут головой. Считаете ли Вы, что можно ожидать в обозримом будущем обратного перехода к неким вечным ценностям?

— Сейчас в СМИ активно обсуждается, какие проблемы президент не успел решить за истекший период и вынужден передать своему приемнику. Когда Владимир Путин пришел к власти, то получил от Ельцина в наследство море тяжелейших проблем. Со многими из

них он справился, но теперь перед страной встают новые вопросы. Это естественно. Теперь экспертами называются две весьма серьезные проблемы, которые вышли на первый план — после решения предыдущих: это — проблема коррупции и проблема эффективности работы государственного аппарата, да и всей производственной инфраструктуры.

Очевидно, что нынешний экономико-управленческий аппарат куда менее эффективен для страны, чем даже командно-административная система Советского Союза. Трудно поверить, скажем, что какой-нибудь пресловутый Прохоров может управлять «Норильским никелем» лучше директора советских времен. Ясно и что экономисты страны держатся на экспорте энергоносителей, а это — опасное положение.

Но я думаю, что все-таки задача номер один сейчас — восстановление нравственной вертикали в обществе, укрепление морали.

К примеру, на национальные проекты выделяются сейчас значительные деньги, но при нынешнем уровне безнравственности от этого мало толку. Одному из знаменитейших российских вузов выделяется тридцать пять миллионов долларов сверх бюджета, и тут же газеты сообщают, что менеджмент этого университета разработал семь миллионов. Вспоминается знаменитая лошадь барона Мюнхгаузена, которая могла пить до бесконечности. Вся вода выливалась, поскольку у животного не было задней части туловища.

Коррупцию невозможно искоренить только полицейскими методами. С ней борются — борются, а конца не видно. Только расценки у взяточников растут. В Москве водители постоянно норовят рассказать мне о том, сколько будет стоить «мигалка» после того, как в стране сократят их число. Якобы, в десять раз дороже. Не важно даже, факт ли это. Фактом является тотальное неведение населения власти. Простые люди считают, что беззаконие становится привилегией богатых, и тоже начинают нарушать закон. То, что получается в итоге, называется социальной дезорганизацией. Это — порочный путь. Без укрепления нравственности с него не сойти.

Я полагаю, что, несмотря на ту инерцию, которую в российском обществе набрал стереотип поведения «а-ля Рублевка», все-таки обратный переход к традиционным ценностям произойдет достаточно быстро. В какой-нибудь заурядный понедельник 2008-го или даже 2007-го года телевидение перестанет смаковать хождения московской «тусовки». Андрей Малахов построится поаккуратнее, Тина Канделаки продемонстрирует аудитории колготки без узоров, а предводительница секс-коммуны канала ТНТ Ксюша Собчак исчезнет с экранов вместе со своими питомцами. У страны появятся другие герои. Просто сменится сетка вещания.

— А, как Вам кажется, в западных странах такой переход произошел сверху или снизу?

— Он вызревал в ходе всего развития цивилизации. Это всегда шло от тех, кого называют «столпами общества» и встречало отклик в народе. Власть чувствовала потребность населения в высокоморальном поведении и действовала соответствующим образом. У нас сейчас многие «столпы общества» продались олигархам, как говорят, «с потрохами». Поэтому у нас не может быть, как на Западе. В России восстановление нравственности может произойти только так же, как тысячу лет назад было принято христианство — по решению первого лица. Неважно: князя, генсека или президента.

В западных странах субкультура тоже непрерывно атакует господствующую культуру. Посмотрите на Мадонну. Она выпустила фильм «В постели с Мадонной», в котором дала понять, что она спит со своими охранниками, одновременно со многими мужчинами и т. д. И против нее была развернута яростная компания. Под напором истеблишмента начала наступать пресса. Люди не хотели допустить, чтобы разрушались традиционные американские ценности. Мадонна понесла колоссальные убытки, откатилась назад по всем мировым хит-парадам, провалились мировые турне. Она была вынуждена резко сменить имидж, стать образцовой матерью и женой. Вся пропагандистская машина Америки начала работать против нее, и она поняла, что не

может изменить общественную мораль.

Возьмем другой пример — журнал «Плейбой», который прошел в Америке «на ура». Почему? Потому что он не дошел, до последней, роковой черты, отделяющей мораль от аморальности. Он был предназначен для людей, которые очень быстро разбогатели после Второй мировой войны на подъеме промышленности, но остались малообразованными, некультурными с точки зрения «общества потребления». «Плейбой» давал им установки, которые в чем-то противоречили христианским ценностям, но все же не шли радикально вразрез с общепринятой моралью.

А потом появился журнал «Пентхаус», который стал пропагандировать то, что с точки зрения американской морали считалось непристойностью. Результат? Его издателя просто сокрушили. Американское общество дало понять, что есть граница, которую нельзя переходить. Многие думают, что Америка — страна неограниченной свободы, где можно быть беззаконным в любых своих поступках. Но на самом деле, Америка — это страна свободы, ограниченной моралью.

У нас еще не сформировался истеблишмент в классическом буржуазном понимании, кроме власти некому противостоять выходкам Рублевки. Жизнь такова, что обществу все время бросаются какие-то вызовы. Но я смотрю на происходящее с оптимизмом. Этот джин будет загнан в бутылку.

Дикость, аморальное поведение обладает силой точно так же, как наркотики. Однако, и Нравственность, Человечность, Духовное начало — тоже сила. Вся мировая история пронизана столкновением Добра и Зла. Дмитрий Лихачев, изучая процесс развития мировой культуры, обратил внимание, что культура развивается по иному закону, нежели природа. В природе сильней всегда прав. А в культуре постепенно утверждает себя, побеждает Человеческое начало. Настоящая культура пробивается, как трава через асфальт, она прорастает через пласты дикости и, в конечном счете, всегда побеждает.

Беседовала Вера МЕДВЕДЕВА